

Ю. В. Иванова

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ БОЛГАР  
В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ \***

Научная общественность нашей страны торжественно отметила 1300-летие образования Болгарского государства. В этой связи специалисты по общественным наукам всесторонне обсуждают проблемы болгаристики как комплекса гуманитарных знаний. Немало в этой области сделано и советскими этнографами.

Советское болгароведение в этнографии имеет давние традиции. Его истоки прослеживаются в русском славяноведении XIX века<sup>1</sup>.

В XIX в. славяноведческая наука, — как в России, так и в среде зарубежных славян, — служила идее солидарности славянских народов в их борьбе за свое культурное и политическое самоопределение. В публикациях о быте и обычаях народов в первую очередь подчеркивались общеславянские особенности<sup>2</sup>.

Внимание ученых к жизни и творчеству славянских народов способствовало также подъему интереса к этнографическим знаниям в славянской среде. Такое значение имела, в частности, для болгар книга украинского ученого Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары»<sup>3</sup> — первая научная попытка осмыслить происхождение болгар. Этот автор сопоставил современные ему этнографические реалии со сведениями, почерпнутыми из источников, дал характеристику болгарского фольклора, отметив его богатство и культурную ценность. Ю. И. Венелин, пробудивший среди болгар интерес к народному творчеству, считается одним из провозвестников Национального возрождения Болгарии<sup>4</sup>.

В 40-е гг. XIX в. по Болгарии путешествовал профессор В. И. Григорович, оставивший одно из наиболее ценных описаний болгарского быта того времени<sup>5</sup>. В 50—70-е гг. XIX в. интерес русских славистов к болгарской этнографии поддерживается их контактами с представителями болгарской интеллигенции, деятелями просветительного и национально-освободительного движения, жившими известное время в России (Л. Каравелов, М. Дринов, Г. Раковский). Их работы публикуются в России на русском языке<sup>6</sup>. А. Н. Пыпин и Л. Каравелов обмениваются этногра-

\* В основу статьи положен текст сообщения, сделанного на конференции «Советская болгаристика. Итоги и перспективы. К 1300-летию основания Болгарского государства» (Львов, январь 1981).

<sup>1</sup> Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979, с. 11, 32—33; Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мыльников А. С. Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1978, с. 467.

<sup>2</sup> Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Наука, 1966, с. 167—170, 259—264, 318—328, 394—397; *его же*. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1948, № 2; Александров В. А., Токарев С. А. Основные проблемы славянской этнографии. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1963; Токарев С. А. Начальный период славянской этнографии. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 237—249.

<sup>3</sup> Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам, т. 1—2. М., 1829—1841.

<sup>4</sup> Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1977, с. 26—28.

<sup>5</sup> Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1849, 2 изд. М., 1877.

<sup>6</sup> Каравелов Л. Памятники народного быта болгар. М., 1861; *его же*. Страницы из книги страданий болгарского племени. М., 1868; Дринов М. Заселение Балканского по-

фическим материалом по восточным славянам и болгарам, используя его для сравнительных сопоставлений.

В конце 70 — начале 80-х гг. в России печатается много статей, заметок, воспоминаний очевидцев, побывавших в Болгарии во время освободительной войны и Временного русского управления (1877—1879), в которых было немало описаний народного быта и обычаев болгар, пополнивших фонд источников по этнографии болгарского народа.

Славистическое направление характерно и для болгарской этнографии начала XX в. Л. Милетич, С. Романский, Х. Вакарельский сосредотачивали внимание на славянских чертах традиционной болгарской культуры, на генетической близости болгар с остальным славянством.

В первой половине XX в. большой вклад в развитие болгаристики внес Н. С. Державин. С него по- существу начинается специальное этнографическое изучение болгар, проживавших в южной России (южные районы современной территории УССР и МССР) — потомков переселенцев из Болгарии конца XVIII — первой трети XIX в. (об этом подробнее см. ниже).

Начав научную деятельность в предреволюционный период, Н. С. Державин на протяжении последующих десятилетий продолжал изучение истории болгарского народа, его происхождения, особенностей культуры и ее места в славянском мире. Его четырехтомный труд вышел в 1940-х гг.<sup>7</sup>

Специальное этнографическое изучение болгарского народа разворачивается главным образом после Второй мировой войны, в общей струе оживления славистических исследований, в чем не последнюю роль сыграло политическое и идеологическое сближение СССР с южнославянскими и западнославянскими странами, установление между ними тесных культурных и научных связей.

Славяноведение в этот период строится на принципах, общих для изучения народов с высоким уровнем развития: исследование сельского и городского населения, многообразных связей между различными социальными группами каждого этноса<sup>8</sup>.

Опыт советской этнографической науки, контакты с советскими коллегами не прошли бесследно и для болгарской этнографии. Она развивалась в одном русле с направлением, взятым в Болгарии на подъем теоретического уровня гуманитарных наук — в соответствии с решениями Апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП. Этнография в Болгарии и по- существу, и по организационным формам включалась в 1950—60-х гг. в круг исторических дисциплин.

Сектором этнографии народов Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР подготовлено несколько вариантов монографического описания европейских народов, в том числе и болгар. Раздел «Болгары» в книге «Народы зарубежной Европы» (серия «Народы мира»), написанный при участии коллектива авторов Болгарской Академии наук, явился первым в болгарской этнографии полным этнографическим описанием болгарского народа<sup>9</sup>.

Раздел «Болгары» в книге «Зарубежная Европа» (серия «Очерки общей этнографии») <sup>10</sup> столь же полное по предложенной программе, но несколько более сжатое по изложению монографическое описание.

луострова славянами. М., 1873; *его же*. Южные славяне и Византия в X в. М., 1876; *его же*. Болгария накануне ее погрома. — Изв. СПб., славянского благотворительного общества, т. II, 1877; *Раковский Г.* Показалец, или ръководство как да ся изискват и издирийт най-стари черти нашего бития. Одесса, 1859.

<sup>7</sup> *Державин Н. С.* История Болгарии, т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1945, т. 2, 1946, т. 3, 1947, т. 4, 1948.

<sup>8</sup> *Токарев С. А.* О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран. — СЭ, 1967, № 5, с. 133—142.

<sup>9</sup> Народы зарубежной Европы, т. I (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Наука, 1964, с. 301—372; характеристику этой работы см.: Этнография на България, т. I. София: Изд-во на БАН, 1980, с. 10.

<sup>10</sup> Очерки общей этнографии: Зарубежная Европа. М.: Наука, 1966, с. 60—79 — автор раздела «Болгары» — Л. В. Маркова.

Раздел «Болгары» книги «Восточная Европа» (этнографо-географическая серия «Страны и народы») <sup>11</sup> содержит, в частности, сжатое изложение этнической истории болгар, их традиционной и современной культуры, выполненное по новейшим научным данным в популярной форме, доступной для самого широкого читателя.

В перечисленных очерках, посвященных этнографии одного народа, культурная история дается в динамике: этнические процессы раскрыты во всем их многообразии, в социально-экономическом контексте. Особое внимание уделяется бытовой культуре, так как именно в этой сфере наиболее ясно проявляются этнодифференцирующие и этноинтегрирующие признаки.

\* \* \*

Одной из основных проблем этнографии болгарского народа, разрабатываемых советскими учеными, является этногенез болгар. Большое внимание уделил этому вопросу Н. С. Державин. К сожалению, на его концепцию оказала влияние теория Н. А. Марра о стадийном развитии этно- и глоттогенеза, позднее, как известно, подвергшаяся критике в советской историографии. Однако его работа содержит очень интересные мысли, например, о тесных контактах славян и протоболгар еще до их оседания на Балканах, что, по мнению Н. С. Державина, облегчило впоследствии их сближение в рамках Болгарского государства. Эти предположения лишь теперь начинают развиваться (очевидно, независимо от Державина) в болгарской исторической науке.

Этническая история показывает, что болгарская культура развивалась как наследница трех основных этнических компонентов: фракийцев, славян и протоболгар.

В изучении культуры фракийского компонента в болгарском этносе много сделано Т. Д. Златковской. Она проследила этнические процессы во Фракии II—I тыс. до н. э. по археологическим данным, сопоставленным со сведениями античных авторов <sup>12</sup>. Плодотворным оказалось также изучение современных народных поверий, фольклорных сюжетов и памятников прикладного искусства, в которых отразились древние верования, восходящие к античным традициям. Исследовательница собрала сведения, доказывающие, что для народов карпато-балканского региона характерны представления о змее — носительнице и подательнице жизненных благ. Совпадение этих представлений с основными элементами культа змеи-покровительницы у древнего населения Юго-Восточной Европы дают, — по мнению автора, — возможность отметить следы древнебалканских традиций (в частности, змееобразных божеств у фракийцев) в современных этнических реалиях <sup>13</sup>.

Антропологический тип болгар принадлежит к южной (средиземноморской) ветви европеоидной расы — возможно, древнейшей формации европеоидной расы вообще. То обстоятельство, что признаки средиземноморской расы не обнаруживаются в антропологических типах западных и восточных славян, указывает на различные компоненты этногенеза трех основных ветвей славянства. По мнению советских специалистов, главный компонент антропологического типа болгар восходит к древнейшему местному слою неолитического (дофракийского) населения. На него наслоилась славянская переселенческая волна <sup>14</sup>.

<sup>11</sup> Страны и народы. Восточная Европа. М.: Мысль, 1980, с. 236—273. Автор этнографических разделов — Л. В. Маркова, географических — Э. В. Валев.

<sup>12</sup> Златковская Т. Д. Этнические процессы во Фракии во II—I тысячелетия до н. э. — СЭ, 1964, № 5.

<sup>13</sup> Златковская Т. Д. Некоторые древнебалканские элементы в фольклоре и этнографии южных славян и восточных романцев. — В кн.: Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977.

<sup>14</sup> Алексеева Т. А., Алексеев В. П. Этногенез славянских народов по данным антропологии. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 211—222.

Переселение славян, осваивавших балканские земли постепенно и неравномерно, вызывало межэтнические контакты самого различного характера<sup>15</sup>. Кроме общности культурных явлений, весьма ярким результатом этих контактов является образование балканского языкового союза, характеризующегося специфическим грамматическим строем.

Чрезвычайно интересен вопрос о месте культурного наследия протоболгар в культурном фонде современного болгарского народа. Этим вопросом занимались два советских автора: Н. И. Гаген-Торн, составившая подробное научное описание болгарской одежды по образцам, хранящимся в Ленинградских музеях, и П. В. Денисов, посвятивший специальное исследование болгаро-чувашским этнокультурным параллелям.

В работе Н. И. Гаген-Торн «Болгарская одежда» культурная общность болгар и поволжских народов прослежена в некоторых характерных элементах костюма, в способах его украшения, в особенностях старинных головных уборов болгарских женщин (цилиндрические на жестком каркасе и мягкие, снабженные спускающимся по спине полотнищем полотчатые уборы); в покрое мужских кожаных сапог со швами по бокам<sup>16</sup>.

П. В. Денисов при сравнении различных сторон жизни современных болгар и поволжских тюркоязычных народов, главным образом чувашей, также обнаружил сходство как в элементах их материальной культуры, например, в особенностях одежды, так и в области духовной культуры (детали свадебного обряда, некоторые поверья, фольклорные сюжеты), а также в языке и топонимике<sup>17</sup>.

\* \* \*

Значительное число публикаций в советской печати посвящено общественной жизни болгарского крестьянства.

Сельская община издавна живо интересовала русских славистов, этой теме придается большое значение в советской историографии, т. к. она тесно связана с проблемой генезиса частной собственности на землю, по поводу которой до сих пор проходит резкое размежевание между марксистской и буржуазной историческими концепциями. Большинство советских ученых придерживается точки зрения об универсальности сельской общины. В болгарской историографии эта тема долгое время не разрабатывалась, так как господствовало мнение, что для болгар этот институт не характерен, а характерны задруга и патронимия<sup>18</sup>. Неудивительно, что из-за неразработанности этой проблемы советские этнографы проявили к ней особый интерес. В 1956 г. публикуется статья Л. В. Марковой «Община у болгар в XIX в.», а в 1960 г. — ее работа «Сельская община у болгар в XIX в.»<sup>19</sup>.

Работа Л. В. Марковой о сельской общине — первое в болгаристике целостное исследование этого института. В ней было доказано существование сельской общины у болгар в XIX в. и освещены разные ее аспекты: экономический, правовой, охарактеризованы семейно-родственные связи, различные стороны духовной жизни. Определен ее тип как общины-марки.

Не обошли вниманием проблему общины советские историки-медиевисты. Община у славянских народов раннефеодального периода (VII—

<sup>15</sup> Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. — Там же, с. 223—236.

<sup>16</sup> Гаген-Торн Н. И. Болгарская одежда (по коллекциям ленинградских музеев) — В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XVIII. Л., 1958, с. 249—269.

<sup>17</sup> Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1969.

<sup>18</sup> В русской дореволюционной литературе есть одна работа, посвященная болгарской задруге: Державин Н. С. К вопросу о семейной задруге у болгар. — Живая старина, 1910, с. 313—318.

<sup>19</sup> Маркова Л. В. Община у болгар в XIX в. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. В. XXV. М.: Изд. АН СССР, 1956, с. 71—81; *ее же*. Сельская община болгар в XIX в. — В кн.: Славянский этнографический сборник. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 62. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 6—105.

VIII вв.) изучена Е. Э. Липшиц. Община в Болгарии более позднего времени (XI—XII вв.) охарактеризована Г. Г. Литавриным<sup>20</sup>.

Совместными усилиями советские ученые доказали, что соседская община была характерна для южных славян в период заселения ими Балканского полуострова. Она просуществовала и в эпоху средневековья, и в период Османского владычества, и в определенной мере сохранялась и во время формирования капиталистических отношений.

Эти научные открытия советских ученых не прошли мимо внимания болгарских ученых: в конце 1960-х и в 70-е гг. в болгарской историографии наметился перелом — было признано существование у болгар этого института, началось его изучение. Достаточно упомянуть фундаментальное исследование Е. Гроздановой.

Освобождение от османской власти, становление национального государства сопровождалось победой буржуазных отношений; имущественное и классовое расслоение внутри общины разрушало ее. Отмирание общины-марки на территории Болгарии шло неравномерно и проходило через ряд переходных форм, обнаруживая сложность этого процесса.

Одной из форм трансформации земельной собственности в условиях зарождающегося капитализма было долевое землевладение. Такую форму открыла в Родопском крае Л. В. Маркова и подробно описала ее<sup>21</sup>.

Возникновение долевого владения<sup>22</sup> (не только земель, но и другой недвижимостью) генетически связано с функционированием группы родственных семей, известных в специальной литературе под названием патронимии. Однако в Родопском крае дело обстояло сложнее: группы дольщиков не были родственниками, они лишь в силу традиции оформляли свое сообщество в некотором роде по модели патронимических землевладений. Эта система землевладения возникла в связи с введением в товарный оборот больших массивов необработанной земли, которую болгарские крестьяне в Родопях выкупили у кочевых скотоводов-юрюков и у феодалов, выделившихся из среды болгар-мусульман. Выкуп был одной из форм противостояния угнетенного народа османскому феодализму: в результате этого населению значительной части Родоп удалось ликвидировать крупное землевладение типа чифлика. Следовательно, в этой ситуации проявлялась социальная активность крестьянства, субъективную сторону которой осветила Л. В. Маркова в докладе на Первом Международном конгрессе по болгаристике<sup>23</sup>. В этой работе внимание фиксируется на осмыслении и обосновании своей деятельности самими крестьянами, которые опирались на общинные принципы, на убеждение, что земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, и на ряд других правовых норм, сформировавшихся в сельской общине.

От изучения общественной жизни села «изнутри» логичен переход к рассмотрению ее сквозь призму эволюции общества в целом. Как отражался на социальной структуре села процесс становления буржуазных отношений? Оказывается, сельская община не просто распадалась на составные части. Освобождение мелкого собственника от связанности с сельским коллективом совершалось через ряд переходных форм. Потребность во взаимной поддержке не исчезла, но характер взаимных связей изменился: они стали строиться не столько по территориальному, сколько по профессиональному принципу в условиях углубившегося разделе-

<sup>20</sup> Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма.— В кн.: Византийский временник, т. I. М., 1947; Литаврин Г. Г. Крестьянство в западной и юго-западной Болгарии в XI—XII вв.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, XIV, 1956, с. 226—250; *его же*. Болгария и Византия в XI—XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 38—73; см. также Фрейденберг М. М. К истории общины на Балканах.— В кн.: Византийский временник, т. 21. М., 1962, с. 198—209.

<sup>21</sup> Маркова Л. В. Долевое землевладение в Родопском крае (XIX — первая четверть XX в.).— СЭ, 1963, № 5, с. 69—82.

<sup>22</sup> В общей форме этот вопрос разработал П. В. Советов. См.: Советов П. В. Проблема землевладения в Европе.— Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. IV. М.: Наука, 1967.

<sup>23</sup> Маркова Л. К вопросу о социальной активности болгарского крестьянства в период становления буржуазных отношений.— В кн.: Първи международен конгрес по българистика. Резюме, I. София: БАН, 1981, с. 325—327.

ния труда. Об этом говорится в разделе «Болгарская сельская община» I тома коллективного труда болгарских ученых «Этнография Болгарии»<sup>24</sup>.

В тесной взаимосвязи с характером поземельных отношений, лежащих (у сельского населения) в основе социальной структуры, находятся формы расселения на местности<sup>25</sup>. Беря за основу изучения форм расселения поземельные отношения, Л. В. Маркова характеризует каждую данную форму поселения как определенный исторический этап его развития<sup>26</sup>. Автор разделяет ту точку зрения, что отдельная семья как общественная и производственная ячейка в докапиталистическую эпоху находилась в определенной зависимости от коллектива. Ей представляется ошибочной существующая в болгарской историографии точка зрения об одиночном дворе как древнейшей форме поселения. Такое представление фигурирует в болгарской, — как, впрочем, и в западноевропейской, — специальной литературе. Л. В. Маркова предлагает при построении типологии поселений учитывать фактор хозяйственного единства их жителей.

Одним из важных вопросов, посвященных общественной жизни является система родства. Первая попытка разработки данных по этой теме была предпринята болгарскими учеными (И. Георгиевой, Д. Московской, Л. Радевой). Л. В. Маркова рассмотрела болгарский материал по терминологии родства, собранный ею во время полевых работ в Болгарии, вместе с соответствующими материалами по народам Югославии, взятыми из литературы, и выделила четыре системы родства, общие для всех южных славян, которые типологически образуют определенный четко выраженный эволюционный ряд. Надо отметить, что в периферийных секторах трех из выделенных систем родства прослеживаются фрагменты неэгоцентрированных систем, отражающих архаическую стадию общественной жизни, когда индивид не выделился из социальной группы как личность<sup>27</sup>.

\* \* \*

Перейдем к другим сюжетам этнографии болгарского народа, освещенных в работах советских этнографов.

Судьба этнических традиций на протяжении многовековой истории развития этноса составляют одну из центральных проблем этнографии. Исследования показали, что к этнической традиции небезразлична даже самая динамичная сфера общественного бытия — экономика. Наглядный пример тому — хозяйственное развитие горного Родопского края<sup>28</sup>. Болгары через все сложности этнической истории и трудности хозяйственной, практической жизни пронесли древнейшую славянскую традицию — земледельческое хозяйство. В Родопах отгонное скотоводство не охватывало все поселения, все домохозяйства, однако оно имело товарное значение. Но несмотря на это древняя земледельческая традиция легла в основу формирования многих сторон образа жизни родопских болгар: их оседлости, форм и типов поселений, характера пищевого рациона, в котором значительное место занимала растительная пища (очень характерна обрядовая пища — хлеб, коливо), многих земледельческих обычаев, общих для болгар или даже для всех южных славян.

Болгарская одежда как элемент народной культуры и как источник этногенетических исследований подробно изучена болгарскими учеными, особенно М. Велевой. Советские этнографы внесли свой вклад в разработку этой темы.

<sup>24</sup> Маркова Л. В. Българската селска община.— В кн.: Етнография на България. София: БАН, 1980, с. 311—325.

<sup>25</sup> Такой принцип изучения расселения на местности и поселений разработан М. В. Витовым и успешно применяется многими советскими этнографами.

<sup>26</sup> Маркова Л. В. Горные поселения в системе поземельных отношений. Българска етнография. София, 1981.

<sup>27</sup> Маркова Л. В. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой. Доклад на IX МКАЭН. М.: Наука, 1979.

<sup>28</sup> Маркова Л. В. Хозяйственное развитие Родопского края до эпохи социализма.— В кн.: Etudes Balkaniques. Sofia, 1980, № 2, p. 70—92.

Подробное описание и типология болгарской традиционной одежды даны в упоминавшейся уже работе Н. И. Гаген-Торн, выполненной на основании изучения музейных коллекций Гос. музея этнографии народов СССР и Музея антропологии и этнографии АН с привлечением обширной литературы, преимущественно болгарской. Исследовательница намечает этногенетические связи болгарского народа <sup>29</sup>.

Я. П. Прилипко, исходя из сопоставительного анализа украинского и болгарского костюмов, пишет об этнических связях болгар и восточных славян <sup>30</sup>. Эту близость подчеркивает и Д. В. Найдич, описавшая некоторые комплексы болгарской одежды по материалам выставки «Болгарское народное творчество», состоявшейся в Москве в 1952 г. <sup>31</sup>.

Традиционное болгарское жилище изучалось в рамках коллективного сравнительно-типологического исследования, выполненного сектором Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР. В результате исследования жилища европейских народов, проведенного по единой программе, была создана обобщенная типология и выделенные типы нанесены на карту. Территория Болгарии вошла в ареал, который назван южноевропейским. В разделе о болгарском жилище выделены более обобщенные типы, чем это принято в болгарской этнографии. В основу типологии положен принцип пространственного размещения жилых помещений и их связи между собой с учетом функционального назначения. Предложена схема развития форм болгарского жилища <sup>32</sup>.

Древние и новые верования болгар, народное творчество, традиционные и современные празднества, смеховая культура, культура развлечений, некоторые стороны общественной жизни, связанные с нею, — все это рассмотрено в общем контексте классификации и осмысления календарных обрядов — в серии книг, посвященных календарной обрядности народов Европы <sup>33</sup>.

Коллективные исследования показали большую близость обрядности у народов, населяющих Юго-Восточную Европу — славянских и неславянских. Причин тому много, но наиболее существенная из них — генетические связи. Так, в календарной обрядности болгар явно прослеживаются следы фракийской культуры, довольно полно прослеженные советскими учеными. Очень большая заслуга в этом направлении принадлежит Т. Д. Златковской <sup>34</sup>.

Многие обрядовые комплексы, в том виде, в каком они сложились к нашему времени, сближают болгар с соседними балканскими народами <sup>35</sup>. Пример тому — Георгиев день, связанный у южных славян, так же, как и у неславянских народов Юго-Восточной Европы, со скотоводческим хозяйством. В противоположность Георгиеву дню праздник Трифон Зарезан — типично болгарский, отражает большое значение виноградарства в хозяйственной деятельности болгарского народа.

Мы не уделили специального внимания изучению болгарского фольклора: это отдельная большая тема. Следует, однако, упомянуть, что

<sup>29</sup> Гаген-Торн Н. И. Болгарская одежда.

<sup>30</sup> Прилипко Я. П. Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян. Київ, 1964.

<sup>31</sup> Найдич Д. В. Одежда болгарского народа как образец народного творчества. — СЭ, 1953, № 1.

<sup>32</sup> Маркова Л. В. Типы сельского жилища в Болгарии. — В кн.: Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1966, с. 12—35.

<sup>33</sup> Колева Т. А. Болгары. — В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Зимние праздники. М.: Наука, 1973, с. 266—283; *ее же*. Болгары. — В кн.: Календарные обычаи ... Весенние праздники. М.: Наука, 1977, с. 275—292; *Маркова Л. В.* Болгары. — В кн.: Календарные обычаи ... Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978, с. 223—243.

<sup>34</sup> Златковская Т. Д. О происхождении некоторых элементов куцерского обряда у болгар: к вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы. — СЭ, 1967, № 3; *ее же*. К проблеме античного наследия у южных славян и восточных романцев. — СЭ, 1978, № 3; *Зеленчук В. С., Попович Ю. В.* Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов (XIX — начало XX в.). — В кн.: Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976, с. 195—201.

<sup>35</sup> Попович Ю. В. Сравнительный анализ некоторых обычаев годового цикла у народов балканского и карпатского ареалов. — В кн.: Общекарпатский диалектологический атлас: лингвистический и этнографический аспекты. Кишинев: Штиинца, 1976.

советские фольклористы (Б. Н. Путилов, В. Е. Гусев, И. М. Шептунов, Ю. И. Смирнов, Н. С. Шумада и др.) сделали многое в области исследования устного народного творчества болгарского народа.

Городская бытовая культура — характерный элемент этнической культуры нации. Изучение города — большое перспективное направление этнографической науки. Оно отвечает принципиальному подходу к этносу как единому целому, при котором изучаются все его социальные группы. Болгарские этнографы (Г. Георгиева и др.) только в 1960-х гг. обратились к исследованию городского быта, вначале — только рабочего, и осуществляют его успешно. В 1970—71 гг. этнографическое исследование обычаев городского населения провела Л. В. Маркова<sup>36</sup>. Она обратила внимание на новые формы выражения этнической традиции в городской культуре. Вместе с тем, в обычаях горожан, несмотря на большую по сравнению с селом подверженность внешним влияниям, можно проследить элементы, сходные с сельскими обычаями, и тем самым выделить общенациональные черты обрядности.

В перспективе в изучении этнографии болгарского народа советские специалисты наметили несколько направлений. Первое из них — продолжение изучения общинных отношений и всего обширного комплекса проблем, с ними связанных. Этот круг вопросов далеко еще не исчерпан, несмотря на многие исследования, ему посвященные.

Известен большой интерес обществоведов различных специальностей, в том числе и этнографов, к проблемам семьи, возрастающий в наши дни как ответ на крупные изменения, которые происходят сейчас в этом институте. Отвечая на требование времени, Сектор народов Зарубежной Европы Института этнографии АН СССР предпринимает ныне коллективное исследование о формах заключения брака у народов Европы. Разумеется, в этом коллективном труде найдут место и болгарские материалы: предстоит изучение болгарской семьи.

Безусловно, должно быть продолжено и расширено изучение городской культуры, так как развитие социализма, всеобщая грамотность населения, охват широких масс народа всеми средствами информации, приобщение их к достижениям современной культуры — все это ведет к быстрой урбанизации, к серьезным сдвигам в образе жизни.

\* \* \*

Самостоятельный раздел советской болгаристики — историография. Первый достаточно полный историографический обзор современных (после 1944 г.) болгарских этнографических работ появился в советском издании «Этнография в странах социализма»<sup>37</sup> (до этого очень краткая историографическая справка была помещена в книге Х. Вакарельского<sup>38</sup>). В обзоре выделены этапы развития этнографии в Народной Республике Болгарии, дана характеристика разрабатываемых проблем.

Второй историографический обзор такого же характера — подготовленный Л. В. Марковой — раздел об этнографической науке в социалистический период для трехтомного издания «Этнография Болгарии»<sup>39</sup>.

\* \* \*

В XVIII—XIX вв. значительное число болгар переселилось с Балканского полуострова в южные области России<sup>40</sup>. Как уже говорилось,

<sup>36</sup> Маркова Л. В. К изучению семейных обычаев болгарских горожан. — В кн.: Балканские исследования: Проблемы истории и культуры, с. 246—258; *ее же*. Традиционные календарные обычаи и новые общественные праздники в городах Болгарии после освобождения. — В кн.: Освобожденето на България и развитието на българската народна култура. София: Изд-во Софийского университета, 1979, с. 243—255.

<sup>37</sup> Маркова Л. В. Этнографическая наука в Народной Республике Болгарии. — В кн.: Этнография в странах социализма. М.: Наука, 1975, с. 57—58.

<sup>38</sup> Вакарельский Х. Этнография на България. София, 1977 (2-е изд.).

<sup>39</sup> Маркова Л. В. Этнографската наука в НР България. — В кн.: Этнография на България, т. I. София, 1980, с. 151—163.

<sup>40</sup> Мещеряк И. И. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX в. — Известия Молдавского филиала АН СССР, 1953, № 3—4; *его же*. Пе-

еще в начале нашего века болгарские села на юге России были подробно обследованы Н. С. Державиным<sup>41</sup>. В советское время этнографическое изучение этой группы болгарского населения продолжалось<sup>42</sup> — как в плане монографическом (книга украинской исследовательницы Л. А. Демиденко, в которой уделяется большое внимание современному социалистическому быту колхозников — потомков переселенцев<sup>43</sup>), так и в контексте межэтнических связей народов Украины,— работа В. И. Наулко<sup>44</sup>.

В этнически смешанном населении южных районов Бессарабии (где болгары расселялись в непосредственном соседстве с другими выходцами с балканского полуострова — гагаузами, албанцами и где они вступали в контакты с украинцами, молдаванами, немцами и другими группами) возникли характерные формы интегрированной культуры.

Изучая этническую группу, расселенную вне основного ареала этноса, этнографы рассматривают прежде всего вопросы устойчивости этнических традиций, проблемы проявления их в процессе адаптации мигрантов в новой экологической и социальной обстановке<sup>45</sup>. При этом оказалось, что среди болгар-переселенцев на новых землях возникла сельская община (в отличие от Болгарии здесь практиковались земельные переделы). Очевидно, такая форма общественной организации была наиболее рациональной для вновь возникающих сообществ: сел, основанных выходцами из разных районов Болгарии. Этот факт служит одним из доказательств существования общинных традиций на родине эмигрантов<sup>46</sup>.

В числе многих элементов культуры болгар-переселенцев и их потомков наиболее полно изучены жилые и хозяйственные постройки. Жилище и усадьба описаны не только как предмет народной архитектуры, но и как необходимая среда для функционирования семьи. Во многих специальных публикациях отражен новый подход к типологии жилища: особое внимание уделено исторически сложившемуся комплексу крестьянской усадьбы, состоящему из двух отдельно возведенных жилых построек<sup>47</sup>.

Процессы аккультурации и сохранения этнических традиций хорошо прослеживаются на тенденции развития материальной культуры. Переселенцы из разных районов Болгарии принесли на новые места жительства локальные особенности культуры. Расселившись чересполосно, а иногда и смешанно в одном селе, они постепенно создали единый комп-

---

реселение болгар в Южную Бессарабию 1828—1834. Кишинев: Штиинца, 1965; *его же*. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808—1856). Кишинев: Штиинца, 1971.

<sup>41</sup> Державин Н. С. Болгарские колонии Новороссийского края. Симферополь, 1908; *его же*. У болгар Таврической губернии.— Этнографическое обозрение, 1901, кн. XLVII, № 4; *его же*. Болгарские колонии в России, т. I.— Сборник за народни умотворения и народопис, кн. XXIX. София, 1914; т. II. Петроград, 1915.

<sup>42</sup> По переписи 1979 г. численность болгар в СССР составляла 361 тыс. чел. (Вестник статистики, 1980, № 7, с. 42).

<sup>43</sup> Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев: Наукова думка, 1970.

<sup>44</sup> Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наукова думка, 1975.

<sup>45</sup> Маркова Л. В. Некоторые тенденции развития культуры и быта болгар юго-западных районов СССР.— Первый конгресс балканских исследований. Доклады советской делегации. М., 1966.

<sup>46</sup> Маркова Л. В. Землепользование у болгар и гагаузов в Бессарабии в XIX в.— В кн.: Славянский этнографический сборник, с. 105—109.

<sup>47</sup> Маркова Л. В. Поселения и жилище болгар-переселенцев.— Краткие сообщения Ин-та этнографии, 1955, в. 24, с. 3—18; *ее же*. Типы болгарского жилища в Прутско-Днестровском междуречье.— В кн.: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 61—74; *ее же*. Традиции и инновации в устройстве и использовании жилища болгар западных районов Одесской области УССР.— В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979, с. 126—149; Будина О. Р. Жилище болгар, греков, албанцев.— В кн.: Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М.: Наука, 1979, с. 83—128. Последняя из названных работ интересна тем, что вскрывает закономерность сохранения и трансформации этнических традиций у численно ограниченных групп переселенцев, погнавших в новые для них природные условия и в многоэтническую среду.

лекс культуры, который можно назвать общебессарабским (в то время как различия в говорах сохранялись)<sup>48</sup>.

Тенденции развития традиционной культуры изучаются также и в микросреде семьи. Выявлено, что главная роль в сохранении этнических традиций в семье принадлежит женщинам<sup>49</sup>.

Большую устойчивость этнических традиций обнаруживает цикл календарных праздников болгар Южной Бессарабии<sup>50</sup>. Эта устойчивость проявляется прежде всего в сохранении локальных вариантов обрядности — в противоположность отмеченной выше нивелировке в области материальной культуры. Конечно, и в обрядовой сфере шла эволюция в сторону унификации, но более медленным темпом.

В новейшее время болгары СССР, сохраняя специфические черты своего этноса и своей локальной группы, включаются в новую историческую общность — советский народ. Изучить особенности сочетания этих двух тенденций — этнической традиции и общесоветского образа жизни — одна из задач советской болгаристики.

<sup>48</sup> *Маркова Л. В.* О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар. — СЭ, 1974, № 1, с. 45—58.

<sup>49</sup> *Маркова Л. В.* О влиянии смешанных браков на процесс ассимиляции национальных групп (болгары Закарпатья). — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции языковых контактов. М.: Наука, 1975, с. 255—262; *Демиденко Л. А.* Сватбата на българите в Болградски район УССР. — Балгарска етнография. София, 1975, № 2.

<sup>50</sup> *Маркова Л. В.* Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуручья Прута и Днестра. — Известия на етнографския институт и музей, т. XI. София, 1968, с. 151—168.